

ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ПРИРОДА

Трифон СУЕТИН

аспирант, философский факультет. Государственный академический университет гуманитарных наук. 119049, Российская Федерация, Москва, Мароновский переулок, д. 26; e-mail: suetin_trifon@mail.ru

РЕАЛЬНОСТЬ ФАНТАЗИИ

В статье рассматривается фантазия как феномен, определяющий уникальную антропологическую сущность, вписанный в реальность человеческого бытия. Автор рассуждает о недостаточности классического определения реальности – как объектного, материального мира вещей. В этом ключе фантазия является прямым противопоставлением реальности, что затрудняет анализ этого феномена в качестве одного из основополагающих, фундаментальных свойств человеческой природы. Но фантазия значима не только в своих плодах, не только как психическая деятельность человека. Автор рассматривает фантазию как неотъемлемую, но самобытную, особую часть реальности. В таком ракурсе феномен фантазии анализируется не как уникальное свойство человеческой психики, служащее познанию и творчеству, а как один из основных остовов антропологической природы, наравне с разумом, рассудком и нравственностью. Автор исследует проблему в рамках истории философской мысли, отражающей различные трактовки реальности, анализирует феномен фантазии в ракурсе эстетики, философской антропологии, а также феноменологии и психологии.

Новизна исследования состоит прежде всего в попытке доказать значимость феномена фантазии как основополагающего явления человеческой природы. Автор расширяет понятие реальности, не ограничиваясь лишь объектной составляющей действительности. Тем самым феномен фантазии теряет антонимический статус по отношению к действительности и рассматривается как особая, содержательная форма реальности.

Ключевые слова: фантазия, реальность, действительность, антропология, человек, бытие, сущность, образ, воображение, иллюзия

Парадоксально, столь необычайный в своей многогранности феномен фантазии отражён в целом пласте философских трудов и размышлений, является столпом эстетической мысли, центральной темой авторов эпохи романтизма, подробно рассматривается феноменологами, но при всей своей значимости и уникальности – фантазия не имеет должного признания как феномен, определяющий неповторимость человеческой природы. В самом деле, фантазия неотделима от человека, но рассматривается как важное свойство человеческого познания, творческого начала, в качестве репродуктивного восприятия действительности, во многих философских тезисах напрямую противопоставляется объективной реальности, как помышление о том, что не имеет аналогов в окружающем мире. Т. е. фантазия определяется прежде всего как сопутствующая человеческому бытию данность. Но можно ли говорить о фантазии как об одном из основополагающих антропологических феноменов, заложенных в самой сути природы человека, ставя её в один ряд с такими явлениями, как мышление, нравственность, рассудочность?

I. Антропоморфный инопланетянин Канта

Удивительно, но основатель немецкой классической философии, автор целого ряда идей, многие из которых легли в основу таких направлений, как гносеология, этика, эстетика, И. Кант, помимо всех своих заслуг, по праву может считаться первым в мире уфологом. О том, что человек не единственное разумное существо во Вселенной, задумывались многие мыслители. Но именно И. Кант первым начал рассуждать о внеземном разуме в таких ярких антропоморфных подробностях. Неожиданные рассуждения немецкого философа, которые датируются серединой XVIII в., превосходят уфологическую дисциплину на два столетия. Поражает тонкость умозрительного наблюдения Канта – в отсутствие тех знаний, которые содержит современная наука о Вселенной наших дней, он достаточно смело и проникновенно выстраивает детальные предположения о вероятном внешнем облике инопланетных созданий, опираясь на свойства материи воспринимать солнечное тепло. Безусловно, основой кантовского размышления о схожести внеземных существ с человеком является разум. Если такое существо разумно, пишет Кант, то оно обязательно обладает нравственностью, потому как отсутствие нравственных законов у разумного существа неизменно приведёт к его полному самоистреблению. Духовные способности этих созданий находят обоснованную связь развитости духа с совершенством тела, которому этот дух принадлежит. Но при всей подробности сопоставления гипотетически существующего внеземного разумного создания с человеком классификаторский гений Канта не выделяет фантазию как один из основных феноменов природы человека [9].

Однако ход мысли кёнигсбергского философа, а также его дальнейшая разработка понятия воображения позволяет приблизить нас к идее, что фантазия всё же может считаться фундаментальным антропологическим феноменом. Для Канта воображение является производным свойством человеческого разума. «...Воображение есть способность а priori определять чувственность, и его синтез созерцаний сообразно категориям должен быть трансцендентальным синтезом способности воображения; это есть действие рассудка на чувственность и первое применение его к предметам возможного для нас созерцания» [10]. Поэтому Кант справедливо разделяет воображение на продуктивное и репродуктивное, трактуя этот феномен как промежуточную способность между чувственной и рассудочной формами познания.

Но попытка представить, как выглядело бы вземное разумное существо, возникла равноправно как благодаря разуму, так и благодаря фантазии. Да и сам Кант определяет свои размышления о вземном разуме как свободную фантазию, даёт своему воображению, возможно, больше воли, «чем это делает живописец, изображающий растения или животных неоткрытых стран». Воображаемое наполняет ту нишу человеческой психики, которая не может оставаться пустой и при этом полагать чувственное или рассудочное познание. Ведь тогда апперцепция утратила бы свою функциональность как таковую – без фантазии невозможно было бы связать, синтезировать воспринятое, сформировать образ в какой-либо пласт знаний. Так же и рассудочное познание, развитие мысли, без опоры воображаемого поглотилось бы пустотами сознания, не наполненного образами. В своей работе «Критика способности суждения» Кант приходит к выводу, что для деятельности сознания необходимо участие как воображения, так и рассудка [11]. Исходя из этого, можно полагать, что фантазия – не просто производная функция опытного или априорного познания и эстетического созерцания. Разум полагает фантазию как фундамент своего собственного существования, без которого он растворился бы в бездне пустующего сознания.

В свою очередь, человеческая фантазия содержательна и как процесс синтеза должна опираться на то, что даёт ей материал для этого синтеза. Этой опорой можно обозначить реальность, окружающую человека действительность, которая может являться как источником образов, так и прототипом этих образов в своём воплощённом виде. Фантазия позволяет человеческому разуму соприкоснуться с феноменом действительности в глубинном антропологическом стремлении преодолеть и восполнить реальность. Но чем обусловлено взаимодействие фантазии и реальности? Прежде чем развить эту мысль, необходимо проанализировать понятие реальности как таковой.

II. Лики реальности

Реальность как философский термин хоть и имеет несколько значений, но в основном сводится к наличествующему миру вещей. Философская энциклопедия предлагает нам такие трактовки: «всё существующее вообще; объективный мир; действительность; фрагмент универсума, составляющий предметную область соответствующей науки (“физическая реальность”, “биологическая реальность”)». Сама этимология слова «реальность», от позднелатинского *realis*, что переводится как ‘вещественный’, ‘действительный’, определяет понятие реальности только в рамках факта воплощённого предметного существования. Безусловно, такая трактовка соответствует чувственному опыту человека, реальность задана нам в своей фактичности, объективной, вещественной форме. В таком случае фантазия воспринимается как противопоставление реальности, то, чего не существует, что не находит отражения в действительности, является лишь иллюзией, сочетанием незримых образов. Более того, в таком понимании реальности фантазия не может быть рассмотрена как феномен, конституирующий человеческую природу. Ведь и само слово «природа» (лат. *natura*) происходит от *nasci* – ‘родиться’, ‘возникать’. Этимология слова «природа» имеет достаточно содержательную историю, уходящую корнями в античную эпоху. Но основная мысль сводится к тому, что «природа» есть сущее, возникшее, прорастающее – т. е. это понятие неотъемлемо вписано в категорию объективной реальности – как бытие, появившееся на свет [13].

Но является ли такая трактовка реальности исчерпывающей? Можем ли мы полагать, что реальность определяется только своим материальным оформлением, только тем, что задано в вещественном, объективном виде? Ведь понятно, что объективный мир реален, его действительность заключена в форму, определена насущностью, фактичностью. Но разве не реальна фантазия? Разве грёза поэта – пробуждающая чувства, согревающая и возвышающая душу, побуждающая на отчаянные, героические поступки – не может считаться частью реальности? Вопрос, скорее, следует поставить так: не является ли фантазия особым видом реальности?

Ж.-П. Сартр пишет, что человек воображает то, что недоступно его чувственному восприятию, т. е. недоступно непосредственно органам чувств. Безусловно, образ может отражать пласт действительности или предвосхищать её в творческом созидании. Сам по себе образ не имеет вещественной оболочки, но он реален, более чем реален в воображении человека. Воплощение образа в уме определяется иными законами реальности – образ отлучён от материи и никогда не может быть представлен в виде оформленного, насущного объекта. Но в то же время образ содержателен, в нём кроется суть идеи, его реальность невозможно оспорить. При этом Сартр отмечает уникальную природу образа – как

целостной сущности, мысленно воспринимаемой во всей своей полноте [16]. Действительно, образ представлен воображением многогранно, его невозможно постичь в большей или меньшей степени, как объект реального мира, такой как, например куб, который в чувственном восприятии всегда представлен нам только частично – мы не можем осязать целостность куба полностью, в его объёмности. Но образ постигается ровно в той мере, в которой он возникает, в плоскости своей уникальной реальности. Иными словами, воображаемый образ хоть и не имеет таких черт, которые характерны реальности в её классической трактовке – наличность в определённом виде, воплощённость в объектной, вещественной форме, фактичность существования, – тем не менее является реальным в своём содержании. Из этого следует, что понятие реальности гораздо шире и глубже, нежели её объектная, вещественная составляющая.

В истории философии реальность понимали по-разному, но даже краткий анализ некоторых трактовок позволяет нам говорить о том, что она не ограничивается лишь объективным, материальным миром вещей. Например, Платон полагал, что подлинная реальность кроется не в материализованной совокупности вещей, а в эфемерном, незримом мире идей. Реальна идея, т. е. сама сущность вещи, её неразрушимый целостный образ, наполненный смыслом во всей своей полноте. Окружающий мир вещей прототипический, он лишь подобие идеи в обуженном материальном воплощении. Объективный мир, по Платону, является лишь одной из возможных граней идеального мира [14]. Эта концепция очень проникновенно отражает неоднозначность реальности как таковой. Исходя из мысли Платона, реальность – всеобъемлющий концентрат, она недостижима в своей определённости, это всегда движение, беспрестанный расцвет Эйдоса. Образ неуловим, он постоянно ускользает, в нём скрыта подлинная, недостижимая суть, которую человек может воплотить лишь в подобии, в «тени». Не фантазия вписана в реальность как явление, отражающее реальность и создающее новые синтезированные образы на основе действительности. Напротив, именно реальность заключена в образе, полагается прежде всего в духовном, возвышенном мире идей, является субстанцией надматериального мира. Иными словами, образ постулирует реальность, является реальностью в своей сущности, «отбрасывая тени» в объектный мир, который в этом ракурсе больше восходит к иллюзии. Иллюзии не как обману, а как неоднозначности, вариативности, бесконечной множественности в своём проявлении.

Следуя мысли Платона, реальность раздвоена, исходит из мира идей, который бросает свою тень на объективный мир, воплощаясь в вещественной действительности. Т. е. реальность неоднозначна, она мерцает, её лики отражаются в разных плоскостях бытия, эфемерном, содержательном, образном мире фантазии и насущном, оформленном, объективном мире вещей.

В средневековой философии трактовка реальности приобретает яркую духовную окантовку. Видные философы и теологи того времени размышляют о реальности как о мире вещей в своём проявлении, которые составляют, населяют вселенную в виде субстанций, постигаемых человеком. Разделение универсалий, предложенное Фомой Аквинским, своего рода представление о реальности в трёх ипостасях: «до вещей», «в вещах», «после вещей». Постигание действительности человеком даёт основание полагать реальность прежде всего как идею, снизошедшую от Бога [1]. В этом смысле реальность, несмотря на своё целостное проявление в материи, является божественным даром, замыслом, она задана свыше. Человек же способен постигать её лишь во фрагментарном порядке, ему недоступно «общее», т. е. целостная реальность в своей субстанции. Иными словами, реальность может быть «довещественной», «доматериальной» – это сфера божественного провидения, единого сущего. Но в антропологическом ракурсе – такая реальность отражена в человеческой фантазии – причем, если исходить из размышлений Фомы Аквинского, – в двух универсалиях: «до вещей» и «после вещей».

В самом деле, материальная реальность лишь самый край, самая поверхность реальности вообще, которая неизмерима в бесконечности своей глубины. Но вещественный мир не задан человеку только лишь в объектах. Человек способен найти содержательную сущность вещи, он схватывает внутреннюю, скрытую от органов восприятия плоскость её бытия – образ. Без дара воображения объективный мир так и остался бы единственной реальностью человека. Животное не ищет смысла объектов, не пытается постигнуть содержательную сторону реальности – для животного вся реальность ограничивается материальной природой. И только человек, как существо фантазирующее, может проникнуть в сферу недостижимого – не ограничиться лишь фактом наличия объекта, а пропустить объект через себя, отразить его в своём сознании в виде образа.

Немецкий философ и психолог В. Вундт полагал, что нет нужды отделять друг от друга пространства объективной реальности и фантазии – они различны разве что в своей интенсивности [3]. Но тогда справедливо отметить, что эта интенсивность кардинально меняет сам характер пространств, полагает их особенность и уникальность. Вместе с тем пространства фантазии и объективной действительности родственны как части некоей всеобъемлющей сферы целостной реальности. Образ мыслится субъективно, наполняет сознание человека реальностью, но это не прямое отражение объектного мира. Образ как сущность имеет не только совершенно иную структуру – он не поддаётся никакому пространственному или временному измерению в привычном, объективном понимании. Не существует возможности постигнуть его пространственное отношение к субъекту. Это совершенно иное из-

мерение бытия, которое бессмысленно постигать, опираясь на законы физической реальности. Образ наполняет сознание, но в то же время не имманентен ему, образ не проявлен в объективном мире, но в то же время каждый объект несёт в себе содержательную часть, может быть воспринят как образ.

В период рационализма понятие реальности опирается на феномен человеческого мышления. Этой традиции дал начало Рене Декарт, полагая, что мышление определяет реальность самого мыслящего субъекта. Его знаменитое *cogito ergo sum* определяет реальность как прежде всего акт мышления, в котором невозможно сомневаться [6]. Реальность задаётся индивидом, и, без сомнений, реален сам мыслящий субъект. Окружающая реальность конституируется им как сущее, которое пусть и сомнительно в своей подлинности, всё же остаётся в определённом закрытом порядке. Т. е. реальность утрачивает объективность, она полагается человеческим разумом. Действительно, реальность познаётся, исследуется, постигается и развёртывается под воздействием человеческого мышления, она раскрывается человеком. В таком случае справедливо отметить, что фантазия является непосредственной частью реальности, которая полагает содержательную часть окружающего мира объектов.

Можно сделать вывод, что устоявшегося марксистского понимания реальности становится недостаточно. Объективный мир, безусловно, реален, но это лишь один лик реальности, одна из её форм. Фантазия человека не может быть поставлена в антонимический ряд действительности, потому как она является частью реальности, не только как само по себе явление психической деятельности человека, а как содержательная действительность, полагаемая человеком. Фантазия в своей сути является неотъемлемой частью реальности как её содержательная составляющая. Но каково место человека на этом перекрестке реальностей?

III. Человек и реальность

Определяя фантазию как часть реальности, следует учесть, что здесь нет смешивания, отождествления одного феномена с другим. Фантазия всегда остаётся фантазией, но она включена в действительность как особый вид реальности, имеющий свою самобытную, уникальную структуру. Русский философ С.Л. Франк пишет о целостности реальности, которая не имеет оконтуренных границ – она не находится в пространстве, а сама является всеобъемлющим пространством, включая в себя всё сущее. «Первичная реальность», по Франку, есть реальность вообще, в своём самом изначальном виде, как полагающее и постигающее бытие [17]. Действительно, реальность не только совокупность материи и фактов, а сущность, она обуславливает существование всего вообще,

полагающая данность. Такое понимание даёт основание предположить, что первичная реальность создаёт множество различных плоскостей, пространств, выражая себя не только в объектной вселенной, но и мире грёз и фантазий.

Человек непосредственно является частью действительности, однако он существует на перепутье миров. Безусловно, будучи телесным, физическим воплощением, человек находится в объектном мире и является частью этого мира. Но это только внешняя, оформленная белковым телом, часть человеческого бытия. Называя человека реальным существом, мы не можем опираться лишь на его телесность. Человек наделён своим внутренним, скрытым от глаз, миром фантазий, грёз, мечтаний, которые обрамляют бытие каждого в отдельности. Фантазия реальна для каждого из нас, влечёт человека в мир несуществующего, вдохновенного, возвышенного, наполняет нас и движет нами, она увлекает своей новизной [5]. Ведь фантазия неповторима в своём воздействии, её многоликость не поддаётся исчислению. В каком-то смысле человек расколот двумя реальностями, которые никогда не тождественны друг другу, более того, несмотря на то, что фантазия является частью реальности, она никогда не может воплотиться, пересечь границу объективного мира и стать его частью.

Но может ли такое утверждение относиться, например, к произведениям искусства? Ведь любое искусство есть продукт выраженного воображения, пересечения двух реальностей. Безусловно, такое пересечение имеет место – задумка фантазии, которая впоследствии приняла форму объекта или явления реального мира (художественного полотна или же музыкального произведения), но это пересечение условно. Ведь фантазия, даже в выраженном варианте, воплощённая в объективной реальности, не может быть схвачена во всей своей полноте. Реальность фантазии неуловима, она имеет совершенно иную структуру, которая заключена в чистой содержательности. Если бы фантазия могла найти конкретную определённую в мире вещей, человеческое искусство давно бы себя изжило и, вероятно, существовало бы только в «однодневном» варианте. В самом деле, например, мифы как концентрат человеческой фантазии завлекают умы исследователей по сей день, которые находят в них всё новые и новые трактовки и интерпретации. Улыбка Джоконды очаровывает своей загадочностью – эта тайна фантазии художника никогда не может быть раскрыта – объективная конкретность неспособна отразить всю многогранность и глубину художественного образа. Такое раскрытие начисто уничтожило бы образ, он утратил бы свою уникальность и сломился под законченностью объективной действительности.

Всякое искусство позволяет лишь приоткрыть завесу, разделяющую две формы реальности, дать возможность соприкоснуться с одной или несколькими гранями человеческого воображения в воплощённой

форме. Но произведение искусства бездонно в своей интерпретации. Фантазия не может быть целиком вписана в объективную реальность в силу иного измерения своей природы – бесконечной многогранности и многоликости. По сути, объективная реальность конечна в своей определённости, но бесконечна с точки зрения своего содержания. И это содержание восполняет фантазия. Две грани реальности разделены, находятся в разных измерениях бытия, но в то же время обращены друг к другу, их взаимодействие постулирует единство и абсолют «первичной реальности». Невозможно разделить эти две грани окончательно, оторвать друг от друга, ведь объективная реальность вне человеческой фантазии – слепа и бессмысленна, она полагает сама себя, без рефлексии человеческим воображением она замкнута в своей конечности.

По сути, можно сказать, что фантазия как часть реальности позволяет человеку быть вписанным в реальный мир не как его безликая часть, а как уникальный род сущего. Вероятно, именно столкновение двух пространств реальности, которые сочетаются в человеческом существе, выделяет человека среди всех живых существ. Это столкновение трагичное, драматичное, оно болезненное – быть частью конечного материального мира и обладать способностью бесконечного углубления, расширения реальности. Фантазия будто выталкивает человека из объектного мира, позволяя ему увидеть неоднозначность сущего. В то же время фантазия возводит баланс между духовным и телесным миром, вписывает человека в целостность реальности. Определяя фантазию как вид реальности, мы задаёмся вопросом: в чём особенность этой реальности с антропологической точки зрения?

IV. Человек и фантазия

Французский философ Гастон Башляр показывает, что нет никакого смысла искать зависимость фантазии и её порыв в психологических состояниях автора, которые отражали бы реальные события в его жизни. Не существует возможности ухватить фантазию целиком и тем более выявить какое-либо рациональное влияние реальности на фантазию автора [2, с. 14]. Это важное замечание французского философа даёт нам ещё больше оснований полагать, что фантазия – именно самобытный антропологический феномен. Безусловно, окружающий мир и сопутствующие человеку события оказывают своё воздействие на человеческую фантазию – эти две параллели не могут существовать полностью оторванными, они полагают друг друга, но именно в соприкосновении, а не пересечении.

Мечты и образы грёзотворца порой гораздо реальнее существующего в опытной или вещественной действительности. «Жар фантазии превышает в нём (художнике) ясность смысла; картины внешнего мира

преломляются в его душе, но не рождают пылания красок, а, бледные, померкшие, резко контрастируют с теплокровными цветущими созданиями, что рисуются прекрасными, ослепительно яркими цветами радуги – радуги, рождаемой внутренним Солнцем духа, – на благоухающих туманах его фантазии. С печалью или с усмешкой он отвращается от образов мира и предаётся образам фантазии» [4]. Поэтический художественный образ, минуя чувственное восприятие, проникает в самую глубину человеческой души, наполняя её такими красками бытия, которые в своей яркости не имеют сравнения во внешнем мире. И этот образ движет, будоражит, он реален хотя бы потому, что вызывает богатейшую палитру человеческих чувств и переживаний. Но это касается не только поэтического образа.

Человек, будучи многогранным существом, терзается незавершённойностью своего собственного бытия – мы не в силах однозначно, в соответствии с реальностью, ответить на вопросы своего происхождения, своего назначения, над нами висит бремя конечности жизненного пути. Человек не в состоянии проникнуть в подлинный смысл существования мира и себя в этом мире. Арнольд Гелен очень точно определил человека как «существо фантазирующее» [15], в каком-то смысле можно даже сказать, что, в силу своей многогранности и неоднозначности, человеческая сущность фантазийная. Действительно, человек не просто фантазирует время от времени. Всё его существование наполнено фантазиями и мечтами, грёзами и представлениями. Даже обращаясь к объективному миру, человек отражает его в параллели реальности фантазии, воспринимает в образах, создаёт своё мировоззрение благодаря воображению. И это мировоззрение более чем реально, конституирует действительность самого человека, утверждает его в качестве уникального индивида.

Действительно, мысль А. Гелена очень точно отображает бытие человека. Вся наша жизнь пронизана фантазией. Без способности воображения мы не смогли бы ужиться с реальностью – она скорее поглотила бы нас в свою единую целостность, слила в один поток своего бесконечного акта существования. Человек произносит слово, создающее, определяющее, проявляющее действительность. Он определяет структуру реальности логосом, пытаясь выявить и дополнить её суть.

Таким образом, феномен человеческой фантазии не может считаться лишь вспомогательным средством разума, который позволяет познавать, сохранять в памяти воспринятый объективный мир, творить. Фантазия не эфемерная вздорность человеческого сознания, как вымысел, не имеющий отражения в реальности, фантазия и есть сама реальность, для человека значащая во многом больше, чем окружающий его мир. Будучи частью действительности, включённой в «первичную реальность», фантазия может являться феноменом, который определяет человеческую природу, выделяет человека как особую целостность. Человек со-

четает в себе два пласта реальности – телесный, явственный, сущностный и духовный, незримый, фантазийный. Оба эти пласта утверждают существование друг друга и существование самого человека. Но фантазия как феномен прорывается, пронизывает всё человеческое бытие, она не привносится извне, а исходит из самого субъекта, воплощает его антропологическую сущность, полагая человека не только как разумное существо, но прежде всего как «существо фантазирующее». В этом ракурсе фантазию безусловно можно считать неотъемлемой частью природы человека – этот феномен может стоять в одном ряду с такими явлениями, как мышление, нравственность, чувственное восприятие. Более того, человеческая фантазия как часть реальности гораздо шире и глубже объективной действительности. Фантазия восполняет недостаточность существующего вокруг него опытного мира.

V. Фантазия как восполнение реальности

Человеку недостаточно одной лишь объективной реальности, его существование обусловлено постоянно растущими, множющимися антропологическими потребностями. Рассматривая такие глубинные, экзистенциальные человеческие потребности, как познание, поиск родовых корней, идентичности, стремление к творчеству и трансцендентности [18], невозможно найти какие-либо чёткие пределы, в которых они могут быть полноценно удовлетворены. Эти потребности отражают недостаточность реальности, ограниченность действительности, постоянное стремление человека расширить границы обуженного для него мира. Потребности находятся в постоянной прогрессии, они неутолимы в своей сути, неустанно возрастают и множатся, в них обнаруживается вечное движение, в котором достижение удовлетворения неизменно обнажает незаконченность, незавершённость – эти потребности устремлены в бесконечность своего утоления.

Человеческая нужда в познании никогда не может быть удовлетворена в своём абсолюте. И дело даже не в том, что фантазия – вечный стимул к познанию, как концентрат идей, как проявление живого интереса в догадках и предположениях, которые вовлекают человека в авантюру исследования. А как быть с таким знанием, которое не поддаётся познанию в принципе? Ведь только человек может задаться вопросом о том, что будет после завершения его земного пути. Только человека терзает мысль о будущем без него самого, о будущем его рода, будущем этого мира. Здесь познание обнаруживает своё полное бессилие, в невозможности дать какие-либо ответы. Однако человек безутешно пытается заглянуть за временные границы, очерчивающие пределы его жизни. Пожалуй, только в фантазии человек способен нарисовать себе сюжеты будущего его родных, близких, судьбу его собственного наследия. Ко-

нечно, грёзы никогда не могут дать конкретного ответа, но сладость как раз в воображаемом проекте, свободно построенном из собственных образов, предположений, желаний, догадок.

В этом ракурсе фантазия приобретает преюмственность ограниченного познания, простилаясь за пределы познаваемого, восполняя антропологическую потребность в знаниях. Интересно, что в своей сути это восполнение носит иллюзорный, эфемерный характер, не отражает действительность как таковую, является лишь одной из возможных альтернатив. Более того, ни одна из этих альтернатив не получает возможности быть познанной в своём опытным, фактичном виде – все сюжетные вариации не могут быть оценены в критериях как истины, так и лжи, а потому не имеют ничего общего с познанием как таковым. В то же время именно фантазия занимает пустующую нишу, где знание недоступно и не может проявиться ни в каких своих формах.

Но как иллюзия и вымысел, не существующие в действительности картины, которые, возможно, никогда не достигнут своего воплощения, способны восполнить человеческую потребность в познании? Скорее всего, это обусловлено интроспективным воздействием человеческой фантазии. Конечно, человек находит истоки для фантазии во внешнем мире, сущего реальности, бытия собственного и бытия другого. Но создаваемая из кусочков реальности грёза рождается человеческой душой, во всей своей полноте и целостности соотносится с внутренним миром человека, пропитана его духовными качествами. Фантазия переживается человеком не как событие, пришедшее извне, а как часть собственного бытия, возникшего в недрах души. Грёза не просто родственна человеческой душе, а является её частью – является тем самым вечным порывом души, освобождающим её от мира необходимости [2, с. 18].

Человеку никогда не бывает достаточно знаний о себе, о своём роде, он находится в постоянном поиске смыслов, в попытках понять свою сущность исследует мир вокруг и внутри себя. Но экзистенциальные потребности человека невозможно восполнить с помощью лишь окружающего мира – эти потребности уходят корнями в сущность человеческого бытия. Действительно, невозможно удовлетворить потребность в познании в отсутствие однозначной истины. Нет способов узнать историю своего рода, своих предков в экзистенциальном ракурсе, а факты порой не обладают мотивационной убедительностью. Идентичность человека столь прозрачна, что её невозможно уловить, она постоянно ускользает, меняется, растворяется, увлекает в вечный процесс самоидентификации. Стремление человека созидать, творить, изменять окружающий мир, привносить в него частичку своей души в виде произведений искусства неисчерпаемо в своей многогранности. Наконец, возвышенное, духовное представление человека о Боге, о вневременном мире, пристанище духов, потусторонних силах – удел трансцендентного свойства человеческой фантазии, выход за пределы природной реальности.

Человек наделён способностью фантазировать, продлевать, удваивать реальность, и справедливо полагать, что фантазия не только во многом определяет человека как уникальный род сущего, но и напрямую связана с глубинными человеческими потребностями. Потребности множатся благодаря фантазии, потребности же множат и саму фантазию. В этом сплетении может быть выражена неустанная попытка человека преодолеть отчуждённость и безразличие реальности. В таком ракурсе экзистенциальные человеческие потребности, в силу своего неустанного развёртывания, находятся в постоянной подпитке воображением, пробуждают фантазию и в то же время реализуются за счёт неё.

VI. Каверзы фантазии

Без фантазии человек был бы уничтожен, поглощён объектным миром, размылся бы в единой целостности с природой. Фантазия мощный противовес – она всегда находится по иную сторону объективной реальности, но тем самым поддерживает границы действительности – вероятно, именно такой баланс внутри первичной реальности необходим для существования человека – схлёстывание двух миров – объективного и фантазийного, где один не может существовать без другого. Но фантазия не слепой благодетель, человек способен обернуть её против себя. Словенский философ Славој Жижек отмечает особенности смещения фантазий психотика в пласт реальности. Психотик привносит воображаемое в границы действительности, тем самым разрушает её целостность, расщепляет её структуру. Действительно, переживание двух пространств – реальности и фантазии – в одной плоскости вызывают подрыв реальности [7]. Заполняя собой всё человеческое бытие, прорывая границы объективного мира, фантазия начинает разрушать целостность реальности, нарушая баланс сущего.

Это хорошо видно по тенденциям современного мира, в котором человек с фанатизмом пытается вписать фантазию в действительность. Фантазия поставлена на поток, конвейерную сборку желаний, всё больше погружая человека в мир грёз [8]. Проблема даже не в отрыве современного человека от реальности, не жизни в бесконечных грёзах и мечтах, а в самом разрушении действительности избытком фантазий. Сама фантазия приобретает не подобающую ей форму реальности, тем самым отделяется от человека. В результате человек становится рабом желаний, но эти желания не его собственные, они произрастают из хаоса разрушающейся реальности, приходят извне. Фантазия как антропологический феномен приобретает обратную, пагубную силу – не проявлять и восполнять, а обуживать и разрушать реальность. Стоит ли эта деструктивная игра фантазии смысла? С точки зрения человеческого существования – нет. Она разрушает сам смысл суще-

ствования, выбивает твердь действительности из-под ног человека, погружая его в бездну нереального, неутолимого стремления насытиться бесконечным потоком осушающей человеческую жизнь фантазии.

Идею о том, что фантазия может сыграть с человеком злую шутку, ещё полвека назад выразил известный польский писатель, футуролог и философ Станислав Лем. Его рассказы из цикла «Из воспоминаний Ийона Тихого» весьма проницательно отражают ситуацию настоящего времени. Фантазия стала чудовищным образом отделяться от человека, она тиражируется в немыслимых масштабах, создавая иллюзорный мир, подобно тому, как его создавал механизм, посылавший грёзы в странные ящики профессора Конкорана [12]. В этих ящиках создавался целый мир, ядром которого был искусственный мозг, в одном случае считавший себя юной девой, в другом – успешным дельцом, а вокруг – целая вселенная, продуцируемая центральным компьютером. Но машина грёз и фантазий не может органично вписаться в реальность, наполняя мир человека всё большим количеством эрзацев, симулякров, подобий, фантазмов. Грёза теряет свою главную суть особого пласта реальности – она становится насущной, навязчивой, она становится самоцелью человека.

Безусловно, фантазия является важнейшим феноменом, определяющим человека как особый род сущего. И скорее всего, если рассуждать о внеземном разуме на примере человека, то он должен обладать этим уникальным свойством. Вот только человек имеет ещё одну особенность – упускать из узды свои антропологические свойства. И как «торжество разума» может губительно сказаться на человеческой жизни, так и «торжество фантазии», синтезированной, продуцируемой, привнесенной извне, губительно для человеческого существа. Вероятно, таков удел человеческой сущности – великие дары психики, антропологические феномены, определяющие нас как духовных, особых существ, не направлены лишь на благо, имеют на обороте медали весьма негативные проявления. Реальность фантазии коварным образом реверсирует в фантазию реальности. И, к сожалению, здесь невозможно не задуматься – не обернётся ли жизнь в «грёзе широкого потребления» крахом для целостности человеческого существования?

Список литературы

1. Аквинский Фома. Сумма теологии. Часть 2 / Пер. С. Еремеев. М.: Ника-центр, 2008. 536 с.
2. Башляр Г. Избранное: Поэтика грёзы. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. 440 с.
3. Вундт В. Фантазия как основа искусства / Пер. с нем. Л.А. Зандер, ред. А.П. Нечаев. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. 152 с.

4. Гёррес Й. Афоризмы об искусстве. Сбор. Эстетика немецких романтиков / Ред. и сост. С.Я. Левит. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив; Университетская книга, 2014. 576 с.
5. Гуревич П.С. Воображение и фантазия // Психология и психотехника. 2016. № 2. С. 107–110. DOI: 10.7256/2070-8955.2016.2.18646.
6. Декарт Р. Рассуждения о методе. М.: Академический проект, 2014. 328 с.
7. Жижек С. Щекотливый субъект: отсутствующий центр политической онтологии / Пер. с англ. С. Щукина. М.: Изд. дом «Дело РАНСиГС», 2014. 528 с.
8. Жижек С. Чума фантазий / Пер. Е. Смирнова. М.: Гуманитарный центр, 2012. 388 с.
9. Кант И. Собр. соч.: в 8 т. Т. 1 / Общ. ред. А.В. Гулыга. М.: ЧОРО, 1994. С. 241–258.
10. Кант И. Критика чистого разума / Пер. Н. Лосский. М.: Антология мысли, 2016. 736 с.
11. Кант И. Критика способности суждения. М.: Искусство, 1994. 368 с.
12. Лем С. Из воспоминаний Ийона Тихого. М.: Книжная палата, 1990. 528 с.
13. Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 3 / Ред. совет: В.С. Стёпин, А.А. Гусейнов, Г.Ю. Семигин, А.П. Огурцов. М.: Мысль, 2010. 692 с.
14. Платон. Диалоги. М.: Эксмо, 2009. 640 с.
15. Психологический словарь / Ред. П.С. Гуревич. М.: ОЛМА-ПРЕСС Образование, 2007. 800 с.
16. Сартр Ж.-П. Воображаемое. Феноменологическая психология воображения. М.: Наука, 2001. 320 с.
17. Франк С.Л. Реальность и человек. М.: АСТ, 2006. 384 с.
18. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности / Пер. с англ. Э.М. Телятникова. М.: АСТ, 2015. 624 с.

HUMAN NATURE

Trifon SUETIN

Post-graduate, Faculty of Philosophy. State Academic University for the Humanities. Maronovsky Pereulok 26, Moscow 119049, Russian Federation; e-mail: suetin_trifon@mail.ru

REALITY OF FANTASY

The main question of this article the author formulates as follows: can we consider fantasy one of the basic phenomena of human nature? The phenomenon of fantasy is considered in a wide range of philosophical areas, occupies a dominant place in aesthetics and is deeply analyzed in a phenomenological perspective; the epistemological theory cannot do without imagination. Nevertheless, with all the diversity of philosophical thought, the fantasy actually is a derived, subsidiary phenomenon and does not have a status that, for example, has a human mind.

To analyze this problem, the author relies on the classical interpretation of the concept of reality as an objective material world around a man. Nevertheless, he concludes that this interpretation is incomplete, since it reflects only one part of reality, determined by the property of material arrangement. With this understanding of reality, fantasy comes in antonymic series with reality. Such conception of reality does not allow to consider fantasy as a phenomenon that is a basis of human nature. Because the very notion of nature is category of material, shaped, manifest reality.

The author briefly analyzes some interpretations of reality and shows that the material reality is only one of its different forms. The objective world in its constituted form is determined by completeness as something what is present in embodied state. The researcher provides arguments in favor of following conclusion: fantasy is a part of reality, is its particular form, which have a different spatial dimension and exist under completely different laws than the physical reality. These two spaces of reality interact with each other and constitute the uniform integrity of reality in general.

Fantasy and objective reality do not exist by themselves, they are part of absolute reality – universal entity, which Russian philosopher Semyon Frank designated by the term “Primary reality”. Fantasy and objective reality are not antonyms, they are parts of a single “Primary reality”, which includes both

natural, physical and spiritual, fantastic things. They can't exist in complete isolation, as two completely different worlds; their relationship assumes, determines and conditions the existence of each other and the existence of reality in general as "Primary reality".

The author defines objective reality as the embodiment of forms and fantasy as a meaningful entity. In this respect, the two worlds intersect in a single point under sensual perception of human eye. The man not just observe the object in its factuality as an empty reality. He always gives to the object conceptual component, meaning, interpretation. A man knows the ultimate design of the world through the realm of imagination. Images suppose the integrity of thing, endow it with content, they are not subject to the spatial laws of physical world and are preset in all its entirety. As a result, fantasy is not just one of the tools of knowledge and creativity; it determines the existence of the surrounding world in all its completeness. Moreover, dreams are sometimes far more real than the pressing reality. This is evidenced by picturesque fantasies of artists, beautiful words of poets, incredible harmony of composers. Created image fills the human soul, causes trembling of the spirit, deep feelings, encourages heroic, dramatic, sometimes tragic acts. Artistic image bypasses sensory perception, penetrates the human soul in all its purity, fullness and versatility, enriching the inner world of man.

Fantasy and reality form the integrity, where man is at the crossroads of the worlds; being a bodily creature, existing in a pressing nature, the human soul seeks to be deceived by illusion, by fantasy. In this respect, the imagination allows a person to make up for the insufficiency of his existence. Such human needs as cognition, creativity, identity, ancestral roots and religion cannot be implemented on the basis of objective reality. With the help of reason people can't find an answer to the question "What will happen with their families, friends, relatives, their culture and their nation after their life comes to end?". The phenomenon of fantasy allows to contact with those strata of human existence that are beyond the limits of surrounding world and allotted time. In fact, these needs are insatiable, but the fantasy gives us the possibility of imaging, of guessing something that is beyond empirical positive knowledge.

However, fantasy not simply meets the existential needs of man. Thanks to ability to fantasize, existential needs define a human as a special kind of being. Only human may ask the questions which he cannot answer, but can illustrate with variations from the world of fantasy. In this vein, the author believes that fantasy is a phenomenon that can rightfully be considered the backbone of anthropological nature.

In conclusion, the researcher shows the tricks of fantasy in the context of modern world's trends. Fantasy is increasingly separated from man, transferred to industrial, conveyor level, fills the reality with ersatz and phantasms. Modern man exists in the world of artificial dreams and fantasies. This excess of imagination not only complements the reality, but also rather

acts in a destructive way. People immerse in the dream; they are attracted by virtual world, which makes their existence on the one hand sweet and carefree, but on the other hand invariably destroys the integrity of human existence.

Keywords: *fantasy*, reality, anthropology, real world, person, being, entity, image, imagination, illusion

References

1. Bachelard, G. *Izbrannoe: Poetika grezy* [Selected: Poetics of dreams]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2009. 440 pp. (In Russian)
2. Descartes, R. *Rassuzhdeniya o metode* [Reasoning about the method]. Moscow: Akademicheskii proekt Publ., 2014. 328 pp. (In Russian)
3. Frank, S.L. *Real'nost' i chelovek* [Reality and a man]. Moscow: AST Publ., 2006. 384 pp. (In Russian)
4. Fromm, E. *Anatomiya chelovecheskoi destruktivnosti* [Anatomy of human destructiveness], trans. E.M. Telyatnikova. Moscow: AST Publ., 2015. 624 pp. (In Russian)
5. Gurevich, P.S. "Voobrazhenie i fantaziya" [Imagination and fantasy], *Psikhologiya i psikhotekhnika*, 2016, No. 2, pp. 107–110. DOI: 10.7256/2070-8955.2016.2.18646. (In Russian)
6. Görres, I. *Aforizmy ob iskusstve. Sbor. Estetika nemetskikh romantikov* [Aphorisms about art. Collection. Aesthetics of German Romantics], trans. and ed. S.Ya. Levit. Moscow: Centre of Humanitarian Initiatives Publ.; St. Petersburg: Universitetskaya kniga Publ, 2014. 576 pp. (In Russian)
7. Kant, I. *Kritika chistogo razuma* [Criticism of pure reason], trans. N. Losskii. Moscow: Antologiya mysli Publ., 2016. 736 pp. (In Russian)
8. Kant, I. *Kritika sposobnosti suzhdeniya* [Criticism of judgment]. Moscow: Iskusstvo Publ., 1994. 368 pp. (In Russian)
9. Kant, I. *Sobranie sochinenii* [Collected works], 8 Vols., Vol. 1, ed. A.V. Gulyga. Moscow: ChORO Publ., 1994, pp. 241–258. (In Russian)
10. Lem, S. *Iz vospominanii Iiona Tikhogo* [From memories of Yoann Tihii]. Moscow: Knizhnaya palata Publ., 1990. 528 pp. (In Russian)
11. *Novaya filosofskaya entsiklopediya* [New Philosophical Encyclopedia], 4 Vols., Vol. 3, ed. V.S. Stepin, A.A. Guseinov, G.Yu. Semigin & A.P. Ogurtsov. Moscow: Mysl' Publ., 2010. 692 pp. (In Russian)
12. Plato, *Dialogi* [Dialogs]. Moscow: Eksmo Publ., 2009. 640 pp. (In Russian)
13. *Psikhologicheskii slovar'* [Psychological dictionary], ed. P.S. Gurevich. Moscow: OLMA-PRESS Obrazovanie Publ., 2007. 800 pp. (In Russian)
14. Sartre, J.-P. *Voobrazhaemoe. Fenomenologicheskaya psikhologiya voobrazheniya* [Imaginary. Phenomenological psychology of imagination]. Moscow: Nauka Publ., 2001. 320 pp. (In Russian)
15. Thomas Aquinas. *Summa teologii* [The sum of theology], Vol. 2, trans. S. Eremeev. Moscow: Nika-tsentr Publ., 2008. 536 pp. (In Russian)
16. Wundt, V. *Fantaziya kak osnova iskusstva* [Fantasy as the basis of arts], trans. L.A. Zander, ed. A.P. Nechaev. Moscow: LIBROKOM Publ., 2010. 152 pp. (In Russian)

17. Žižek, S. *Chuma fantazii* [Plague of fantasies], trans. E. Smirnova. Moscow: Gumanitarnyi tsentr Publ., 2012. 388 pp. (In Russian)

18. Žižek, S. *Shchekotlivyi sub"ekt: otsutstvuyushchii tsentr politicheskoi ontologii* [A ticklish subject: the missing center of political ontology], trans. S. Shchukina. Moscow: Delo RANSiGS Publ., 2014. 528 pp. (In Russian)